

# Культура, — 1998, — 2-8 июля, — с. 1 Галатея "желтой сборки"

Николай ПЕТРОВ, народный артист СССР

Вот уже двадцать лет я наблюдаю Конкурс Чайковского, сидя перед экраном телевизора. Ярких впечатлений не жду — иначе сидел бы в зале, но и негативным опытом пренебрегать не хочу, поскольку люблю задаваться вопросами и искать на них ответы.

Я бы не сказал, что уровень нынешнего конкурса какой-то особенно удручающе низкий. Напротив, не только финалисты, но и многие участники, для которых второй тур стал последним, продемонстрировали игру крепкую, техничную и настолько уверенную, что за ней решительно не "просматривались" никакие раздумья или сомнения. Выступление некоего конкурсанта даже вызвало у меня крамольное желание услышать хоть одну неверно взятую ноту, чтобы, на худой конец, таким образом оживить свои впечатления. Куда там! Все было сыграно чисто и аккуратно, но за этими деревьями я не увидел леса — правильно взятые ноты не превратились в музыку. Где дьявольское обольщение "Мефисто-вальса", господа конкурсанты, — или вы полагаете, что Листа интересовало только, будут ли с ювелирной точностью воспроизведены все эти дьявольские скачки? А Второй этюд Шопена вы рассматриваете как счетировку — чем быстрее пробежите, тем лучше?

Из всех конкурсантов-пианистов я могу назвать лишь одного, вышедшего на сцену не работать, но музицировать. Это Фредерик Кемпф, музыкант тонкий, способный предложить свое прочтение исполняемого произведения. Я испытал шок, слушая в монтаже телеканала "Культура" поставленные встык фрагменты выступления его и Вадима Руденко.

Один и тот же — Третий — концерт Рахманинова, но как по-разному он звучал. Экспозицию исполнял Руденко — чисто, аккуратно, без особых конфликтов. И вдруг — мятущийся, неистовый, вы-

разительнейший Рахманинов в исполнении Кемпфа. Сразу стало ясно, что такое истинный дар Божий в сравнении с просто добротной игрой. К счастью, не прошел стиль игры, который я называю "гавриловщиной" — в честь небезызвестного и, надо сказать, весьма одаренного музыканта. Этот нахальный стиль обращения с роялем — удар, еще удар! — уже повсюду выходит из моды, но, как показал ажиотаж, возникший вокруг одного из конкурсантов, наша публика еще к нему не охладела. Ну а что касается прочих участников, то они либо героически пытались справиться с техническими трудностями, либо демонстрировали, с какой легкостью им это удастся. Где же новые вирсаладзе и плетневы, где каганы, кремеры, спиваковы, где музыканты-индивидуальности, обладающие своим неповторимым творческим лицом? Чем отличаются друг от друга выдвинувшиеся на первый план нынешние конкурсанты? Кто-то играет чуть более ритмично, кто-то — чуть менее, кто-то — со скоростью света, кто-то — в более привычном темпе... Будь я на месте членов жюри, сложил бы все премии, разделил на равные части и раздал российским лауреатам либо по алфавиту, либо по росту.

Подобно электронной технике так называемой "желтой сборки", казалось бы, по внешнему виду ничем не отличающейся от выпускаемой авторитетными фирмами, только почему-то очень быстро перестающей работать, мир ежегодно наводняют "желтосборочные" музыканты, лауреаты-ремесленники. (Надеюсь, понятно, что в использованном мною образе нет даже намек на национальную или расовую принадлежность кого-то из конкурсантов. Речь идет исключительно об исполнительских качествах). Пройдет год-другой — и большинства уже не видно и не слышно. Конкурсов много, очень много, и премий на них присужда-

ется страшное количество. Звание лауреата день ото дня девальвируется, как снижается и престиж соревнований, этих лауреатов плодящих. В обиход жюри многих конкурсов прочно вошла система "ты — мне, я — тебе". Педагоги помогают продвинуться ученикам друг друга, даже сидя в жюри разных конкурсов. Как-то, будучи председателем жюри одного международного конкурса, я предложил своим коллегам по его окончании обнародовать поставленные ими баллы, чтобы каждый желающий участник мог поинтересоваться у любого члена жюри, какие конкретно недостатки тот у него обнаружил. Нисколько не сомневаюсь в порядочности членов жюри того конкурса, тем не менее все как один это предложение категорически отвергли.

А десять лет назад у меня вышел и вовсе прелюбопытный случай. Один из тогдашних профессоров Московской консерватории посулил мне за протекцию на конкурсе его аспирантке треть ее гипотетической премии, скромно пояснив: "У нас так принято".

Конкурс имени Чайковского системой "педагогической взаимовыручки" прославился, пожалуй, как никакой другой. Его весьма конфликтная история привела к тому, что от конкурса к конкурсу у публики крепла уверенность: будет междоусобищник. И вот, чтобы избежать таких подозрений, на нынешнем решили "сыграть" честно: оценки друг другу не показывать и кандидатов в лауреаты не обсуждать. Но ведь не о спортсменах же речь, чтобы оценивать их исключительно по набранному "очкам"! Или все-таки как раз о спортсменах? Ожесточенная борьба за лауреатские звания, поощряемая педагогами-тренерами, тем более сидящими в жюри, и приводит к утверждению на концертной эстраде некоего среднестатистического чемпионского исполнительского стиля.

(Окончание на 13-й стр.)